

Приоткрытое окно в мир художника Абрама Козлова

Как краевед и исследователь еврейской истории моего родного города Корсуня-Шевченковского Черкасской области (Украина), я много лет по крупицам собирала материал о нашем земляке — художнике Абраме Борисовиче (Берковиче) Козлове. У меня уже были скупые биографические данные о нём, его карандашный портрет, но ни разу не попала хотя бы одна репродукция его картин. Неоднократно я просматривала Интернет в поисках новой информации о художнике, и вдруг в начале декабря нахожу на одной из страниц сайта российских филокартистов <http://www.philocartist.su/> открытку с репродукцией картины Козлова “Импровизации”. Это новый проект, посвящённый малоизвестным и малоизученным художникам, чьи работы встречаются на открытках. Я ответила на просьбу помочь биографическими данными о художнике Козлове. В результате я получила приглашение от редактора журнала “Филокартия” и указанного выше сайта Александра Шестимирова написать статью об этом художнике.

Долгое время точная дата появления на свет художника Абрама Борисовича (Берковича) Козлова была мне неизвестна (его биографы ограничивались невнятной датировкой: “около 1880 г.”), и лишь совсем недавно, из книги львовского искусствоведа Виты Сусак “Українські мистці Парижа. 1900-1939” (“Украинские художники Парижа. 1900-1939”) я узнала, что А.Б. Козлов родился 4 августа 1877 г. в местечке Корсунь Каневского уезда Киевской губернии (теперь — город Корсунь-Шевченковский) в многодетной семье Енты и Берко Козловых. Из пятерых детей двое были художественно одарены: старший Абрам стал художником, а его младший брат Бенедикт (Бенедерт) — скульптором.

Абрам Козлов учился в Одесском художественном училище. По окончании этого учебного заведения уехал в Париж, где продолжил обучение в Национальной школе изящных искусств. Впервые он выставил свою работу “Портрет моей жены” на Осеннем салоне 1910 г.

Около 1910 г. Козлов вернулся на родину, принял участие в выставках киевского журнала “В мире искусств”, в “Салоне” Владимира Издебского и нескольких выставках Московского товарищества художников. Выставлял пейзажи, натюрморты, портреты маслом и рисунки углём. Они привлекли внимание посетителей и прессы. Фамилия Козлова промелькнула в статье Г. Бурданова “Интернациональная выставка картин *Салон*”, которая напечатана в газете “Киевская мысль” за 26 февраля 1910 г.

В 1912 г., вместе с художником К. Евсеевым, Козлов открыл в Киеве студию, став одним из её педагогов. Но впоследствии перебрался в Харьков, устроил там персональную выставку своих работ, о которой 14 февраля 1916 г. писала газета “Южный край”. Позже, в марте 1919 г., его полотна и рисунки экспонировались на 1-й выставке подотдела искусств Харьковского совета рабочих депутатов.

Ил. 1. Музыка.
Изд. “Рассвет”, Киев, № 44

Ил. 2. Импровизации.
Изд. “Рассвет”, Киев, № 45

Ил. 3. Сумерки (мотив из “Дни нашей жизни”).
Изд. “Рассвет”, Киев, № 46

Умер Абрам Козлов 26 августа 1933 г. в Париже. Эмигрантская среда узнала об этом из американской газеты “Новое русское слово” за 6 сентября 1933 г. Разумеется, в Украину это известие не дошло. В 1934 г. в рамках салона Независимых состоялась его посмертная персональная выставка.

Поскольку работы Козлова, хранящиеся в областных музеях России, практически не выставляются, а находящиеся в частных собраниях — недоступны, то представление о художнике Абраме Козлове можно составить по работам “Музыка” (Ил. 1), “Импровизации” (Ил. 2), “Сумерки” (Ил. 3), воспроизведённым на открытках киевского издательства “Рассвет” около 1911 г.

С тем, чтобы провести анализ этих работ, я обратилась к кандидату искусствоведения, заведующей отделом европейского искусства XIX-XX столетия Львовской национальной галереи искусств Вите Сусак, а также заведующей Музеем истории Корсунь-Шевченковской битвы Корсунь-Шевченковского государственного историко-культурного заповедника Татьяне Поляковой.

Надо полагать, что картины Абрама Козлова не случайно привлекли внимание издателя открыток “Рассвета” Соломона Абрамова: он пропагандировал работы еврейских художников, своих современников, живших преимущественно в Киеве, причём вне зависимости от художественных стилей, которых они придерживались.

Абрама Козлова можно отнести к художникам Парижской школы. Парижская школа — очень неоднозначное понятие и зависит от контекста. С “социальной” точки зрения оно охватывает художников-иностранцев, живших и работавших в столице Франции в 1900-1930-х гг. Что касается живописной манеры, то типичной для Парижской школы считается экспрессивная, пастозная живопись с деформацией форм, но сохранением фигуративности (а ля Хаим Сутин, Мане-Кац). Кстати, Абрам Козлов был знаком с Мане-Кацом, в 1918 г. они оба жили в Харькове, где Мане-Кац сделал карандашный портрет Абрама Козлова (Ил. 4), который сейчас находится в фондах Национального художественного музея Украины в Киеве. На сегодняшний день это пока единственный известный нам портрет Абрама Козлова.

Оказавшись в 1900-е гг. в Париже и закончив там Национальную школу изящных искусств, А. Козлов открыл для себя стиль модерн (по-французски — “ар нуво”), и его работы, репродуцированные на открытках, созданы, безусловно, под влиянием этого стиля. Размытость силуэтов с лёгкими акцентами линий, музыкальность (в буквальном смысле) женских образов, настроение грусти и печали — всё это соответствует символизму рубежа XIX-XX веков. На это же указывают и названия работ. Аналогия этого стиля в поэзии — Блок с его “Незнакомкой”.

Скорее всего, все три работы были созданы А. Козловым в одно и то же время, но составляют ли они триптих, будучи похожими по стилю исполнения, — трудно сказать. На это лишь косвенно указывает то, что Абрамов воспроизвёл на своих открытках десять работ Маневича, но три — Козлова. Вряд ли у последнего не было больше достойных работ. Тематикой — женщина, музыка, грусть — они, конечно, близки. Очень сходна и их цветовая гамма: на открытках мы видим, что это, в основном, фиолетово-сиреневый цвет с многочисленными оттенками. Но нужно заметить, что это печать начала прошлого века — и фиолетовый может быть результатом перебарщивания красного, а оригинальные работы могли быть в серой, серовато-перламутровой или синеватой гамме. Это жанровые картины с лаконичной, без лишней детали интерьеря, композицией и акцентом на главный женский персонаж. Близки они и своей идеей: как прекрасна музыка, как прекрасна женщина и как быстротечна жизнь...

“Импровизации” отличается от остальных тем, что на ней в нижнем левом углу есть подпись художника (интересно, что его инициалы “АБ” написаны по-русски, а фамилия “Kosloff” — по-французски) и дата написания — 1911 г. Трудно, не видя оригинала, судить о технике, но, скорее всего, работа написана акварелью или пастелью — на это указывает то, что изображение как бы размытое, в своеобразной “дымке”, да и вся работа лёгкая, прозрачная, в ней много воздуха, линии плавные, нет острых углов, очертания только угадываются. Простой сюжет, по-видимому, заключается в себе неоднозначный символический смысл: в сумерках женщина в длинном платье, чуть наклонившись вправо, с упоением играет на рояле, стоящем у окна. И, исходя из названия картины, здесь можно предложить двойное толкование: исполняется какая-то музыкальная импровизация или это художественная импровизация автора. Да и настроение картины как бы созвучно с той музыкой, печальной и журчащей, которую исполняет героиня. Поражает и владение художника цветом: здесь представлены многочисленные оттенки фиолетово-сиреневого (а, может быть, серовато-перламутрового) цвета, и только в находящемся слева окне мы видим выбивающийся из общего колорита желто-оранжевый отблеск то ли от уличного фонаря, то ли от луны. Может быть, автор хотел этим сказать, что рядом с романтической печалью всегда есть свет надежды, что где-то вдалеке все будет хорошо — кто знает, ведь название “Импровизации” предполагает и нашу зрительскую импровизацию.

“Музыкально-женскую” тему продолжает и картина “Музыка”. Она, скорее всего, написана маслом: фигуры более чёткие и объёмные, уже не чувствуется “размытости” очертаний предыдущей работы, но линии такие же мягкие, все углы сглажены, картина наполнена воздухом. Сюжет так же прост: в центре замкнутой композиции сидят две женщины в длинных струящихся платьях (мать и дочь, учительница и ученица?), одна из которых играет на пианино, а другая её с удовольствием слушает. Обе фигуры созвучны: их объединяет один темпоритм и наслаждение лирической музыкой, которую как бы тоже слышишь. Здесь опять прослеживается мастерское владение цветом: мы видим много оттенков сиреневого, темно-фиолетового и даже коричневатого-красного, и, несмотря на преобладание темных цветов, картина тоже кажется прозрачной. Это особенно видно на изображении женщины на переднем плане: при небогатой, достаточно монотонной цветовой гамме очень ярко выступает сиренево-перламутровое светлое платье с огромным количеством оттенков, которые подчеркивают изгибы фигуры и придают объём. Вся её поза, наклонённая

Ил. 4. Портрет А.Б. Козлова. Фрагмент рисунка художника Мане-Каца. Харьков, 1918.

вправо, передаёт глубокую задумчивость и наслаждение музыкой. Здесь также чувствуется во всем налёт романтической печали.

Если в “Импровизациях” и “Музыке” мы видим главных героинь “со спины” и можем только угадывать выражение их лиц, то в картине “Сумерки” героиня смотрит прямо на нас. Автор указывает, что эта работа — мотив из цикла картин “Дни нашей жизни”. Она написана маслом и в ней прослеживается та же плавность линий. Здесь уже нет музыкальной темы: в центре композиции мы видим женщину с грустным выражением лица, которая сидит, опершись на спинку стула, слева от неё — стол с плюшевой скатертью, раскрытым журналом или альбомом и вазой с цветами. Слева на стене — две картины, справа — дверной проём, за которым видно тёмное окно, окаймлённое светлыми шторами. Колорит сходен с предыдущими работами, но здесь добавлен ещё и голубой цвет. Светлое лицо героини и стул, на котором она сидит, хорошо оттеняются её чёрными волосами и тёмным платьем. В картине не чувствуется глубины изображения и перспективы, фигура женщины воспринимается тёмной и не объёмной, её глаза задумчивы и печальны. Опять настроение грусти и печали, да и название соответствующее — “Сумерки”.

Эти три картины малоизвестного художника Абрама Козлова приоткрыли нам окно в его творческий мир. Мир, наполненный несомненным талантом, символами, грустью и музыкальностью. Так бы, может быть, и затерялся он в безбрежном море более именитых коллег по Парижской школе, если бы не пристальный глаз киевского издателя Соломона Абрамова, который заметил его работы и выпустил в виде открыток, сохранившихся в коллекциях современных филокартистов. И уже благодаря последним, репродукции картин А. Козлова попали в Интернет и стали доступны широкому кругу исследователей и коллекционеров. В результате этих общих усилий, полузабытый одарённый художник возвратился к нам из небытия.

К.И. Колесникова (Корсунь-Шевченковский, Черкасская область, Украина)

Открытки на Ил. 1, 3 — из коллекции П.Д. Цуканова, на Ил. 2 — из коллекции А.А. Шестимирова, Ил. 4 предоставлена автором

Литература:

1. Зленко Г.Д. Від Корсуня до Парижа // Надросся. — 2000, 27 вересня.
2. Сусак В. Українські мистці Парижа. 1930-1939. — Київ: Родовід, А-БА-БА-ГА-ПА-МА-ПА, 2010.
3. Фельдман А.Б. “Украинские парижане” возвращаются на родину // Антиквар. — 2012. — №10 (67).
4. Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. СПб: Нотабене, 1999.